

УДК 343.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-1-116-131>

Ресоциализация осужденных как способ снижения уровня рецидивной преступности

А.Б. Баумштейн¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: 5068896@list.ru

Резюме

Актуальность. Высокая и стабильная доля ранее судимых среди лиц, совершающих преступления, при общем снижении регистрируемой преступности делает проблему эффективной ресоциализации осужденных центральной для уголовной юстиции и безопасности общества. Ресоциализация рассматривается как ответ на ограниченность традиционной модели «исправления» и концепции «ничего не работает» в отношении тюремных интервенций.

Цель – обосновать понимание ресоциализации осужденных к лишению свободы как самостоятельной, нормативно закрепляемой цели исполнения наказания и показать её потенциал как реального способа снижения рецидивной преступности.

Задачи: определить содержание и структуру ресоциализации в пенитенциарном контексте и ее соотношение с категорией «исправления»; систематизировать российские и зарубежные теоретические модели ресоциализации и эмпирические данные о влиянии программ ресоциализации на уровень рецидива; выявить нормативные и организационные препятствия реализации ресоциализационного подхода в российской уголовно-исполнительной системе; сформулировать направления совершенствования законодательства и практики.

Методология. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, криминологический и социологический методы, а также элементы доказательной криминологии при обобщении зарубежных метааналитических исследований эффективности программ ресоциализации.

Результаты. Показано, что ресоциализация осужденных к лишению свободы представляет собой непрерывный, многоуровневый и управляемый процесс, начинающийся в учреждении и завершающийся устойчивой правопослушностью на свободе, который при опоре на модели способен статистически снижать рецидив. Обоснована необходимость нормативного закрепления ресоциализации как цели исполнения наказания, внедрения индивидуальных программ ресоциализации, изменения показателей эффективности уголовно-исполнительной системы и развития пробации и межведомственного взаимодействия.

Вывод. Ресоциализация осужденных к лишению свободы при соответствующем нормативном, организационном и ресурсном обеспечении является единственно долгосрочно устойчивой стратегией снижения рецидивной преступности и должна занять центральное место в российской уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политике.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных; преступность; рецидив; лишение свободы; исправление осужденных; пробация; программы ресоциализации.

Конфликт интересов: Баумштейн А.Б. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» с 2018 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Баумштейн А.Б. Ресоциализация осужденных как способ снижения уровня рецидивной преступности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 2. С. 116–131. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-116-131>.

Поступила в редакцию 13.01.2025

Принята к публикации 25.02.2026

Опубликована 29.04.2026

© Баумштейн А.Б., 2026

Resocialization of convicts as a way to reduce the rate of recidivism

Anton B. Baumshtein¹ ✉

¹ Southwest State University,
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: 5068896@list.ru

Abstract

Relevance. The high and stable proportion of previously convicted persons among those committing new offenses, amid the overall decline in recorded crime, makes the issue of effective resocialization of convicts central to criminal justice and public security. Resocialization is viewed as a response to the limitations of the traditional "rehabilitation" model and the "nothing works" concept regarding prison interventions.

Purpose – is to substantiate the understanding of resocialization of persons sentenced to imprisonment as an independent, normatively enshrined objective of sentence execution and to demonstrate its potential as an effective means of reducing recidivism.

Objectives defines the content and structure of resocialization in the penitentiary context and its relationship with the category of "rehabilitation"; systematizes Russian and foreign theoretical models of resocialization and empirical data on the impact of resocialization programs on recidivism rates; identifies regulatory and organizational barriers to the implementation of the resocialization approach within the Russian penal system; formulates directions for improving legislation and practice.

Methodology. The study employs formal-legal, comparative-legal, historical-legal, criminological, and sociological methods, as well as elements of evidence-based criminology in summarizing foreign meta-analytical research on the effectiveness of resocialization programs.

Results. The study demonstrates that the resocialization of persons sentenced to imprisonment is a continuous, multi-level, and manageable process that begins within the correctional institution and culminates in stable law-abiding behavior upon release. When based on structured models, this process is statistically capable of reducing recidivism. The article substantiates the need for normative recognition of resocialization as a goal of sentence execution, the introduction of individualized resocialization programs, adjustment of performance indicators in the penal system, and the development of probation and interagency cooperation mechanisms.

Conclusion. It is concluded that, when appropriately supported by legal, organizational, and resource measures, the resocialization of persons sentenced to imprisonment constitutes the only long-term sustainable strategy for reducing recidivism and should become a central element of Russian criminal law and penal policy.

Keywords: resocialization of convicts; crime; recidivism; imprisonment; rehabilitation of offenders; probation; resocialization programs.

Conflict of interest: Baumshtein A.B. is a member of the editorial board of the journal "Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law" from 2018, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author did not declare any other conflicts of interest.

For citation: Baumshtein A.B. Resocialization of convicts as a way to reduce the rate of recidivism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(2):116–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-116-131>.

Received 13.01.2025

Accepted 25.02.2026

Published 29.04.2026

Введение

Что такое ресоциализация? Когда и откуда она появилась в отечественном уголовном праве и пенитенциарной системе? Как сегодня действует механизм ресоциализации именно в отношении осужденных к реальному лишению свободы и может ли он реально снижать

уровень рецидивной преступности? И наконец, каким должно быть его будущее, если мы всерьёз говорим о снижении рецидива, а не только о декларировании гуманистических целей?

Эти вопросы сегодня находятся в центре внимания как российской уголовно-правовой науки, так и практиков уголовной юстиции.

Вопрос о том, способна ли система лишения свободы не только изолировать опасных преступников, но и возвращать их обществу в качестве законопослушных граждан, сегодня вновь становится ключевым для российской уголовно-правовой науки и практики. Речь идет о ресоциализации осужденных к реальному лишению свободы как целенаправленном правовом и социальном процессе, результатом которого должно являться устойчивое снижение уровня рецидивной преступности. По данным МВД России, общее число зарегистрированных преступлений в 2023 г. снижено на 1,0% по сравнению с 2022 г., а в 2024 г. – еще примерно на 1,8% по сравнению с 2023 г. Вместе с тем доля лиц с криминальным прошлым среди выявленных преступников и осужденных остается стабильно высокой, а рецидивная преступность – одним из наиболее устойчивых сегментов криминальной реальности¹.

В этих условиях обращение к проблематике ресоциализации осужденных к лишению свободы приобретает не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство и исполнение наказаний. *Цель настоящей статьи* – показать, что именно ресоциализация (а не только «исправление» в традиционном понимании) должна быть ключевым ориентиром организации исполнения наказания в виде лишения свободы и правоприменительной практики, если российское государство всерьез намерено

добиваться устойчивого снижения рецидивной преступности.

Методология

Настоящее исследование ограничено анализом ресоциализации лиц, осужденных к реальному лишению свободы. Другие категории осужденных (к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества) затрагиваются постольку, поскольку соответствующие разработки, в частности выводы Р.А. Волховского о деятельности уголовно-исполнительных инспекций, позволяют выявить общие тенденции развития ресоциализирующего воздействия [1, с. 140].

Формально-юридический метод применялся для выявления нормативного содержания категорий «исправление осужденного», «предупреждение новых преступлений», «социальная адаптация» и для сопоставления этих категорий с доктринальным понятием ресоциализации. С его помощью определено, что действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство прямо не закрепляет ресоциализацию как самостоятельную цель исполнения наказания, хотя отдельные элементы такой деятельности уже присутствуют в задачах и средствах исправления осужденных.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления российского подхода с международными моделями работы с правонарушителями, прежде всего с моделью риска, потребностей и восприимчивости (Risk-Need-Responsivity) и моделью достойной жизни (Good Lives Model). Этот метод позволил показать, что результативность ресоциализации зависит не от самого факта применения воспитательных или социальных мероприятий, а от их индивидуализации, связи с криминогенными потребностями и продолжения сопровождения после освобождения.

Историко-правовой метод применялся для раскрытия эволюции идеи

¹ МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // МВД МЕДИА: [сайт]. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuetstatisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 10.12.2025); Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2024. 64 с.

исправления и ресоциализации: от карательно-изоляционной логики лишения свободы к современному представлению о наказании как правовом механизме предупреждения повторной преступности. В результате выделена тенденция постепенного расширения содержания исправления за счет социальных, психологических, трудовых и постпенитенциарных компонентов.

Криминологический метод использовался при оценке значения рецидивной преступности в общей структуре преступности и при выявлении факторов, препятствующих возвращению осужденного к законопослушному поведению. С его помощью обосновано, что высокая доля лиц с криминальным прошлым среди выявленных преступников требует перехода от формального учета проведенных мероприятий к оценке фактического влияния ресоциализационных программ на риск рецидива.

Социологический метод применялся для анализа ресоциализации как процесса восстановления социальных ролей и связей осужденного: семейных, трудовых, образовательных, гражданско-правовых и коммуникативных. В результате сделан вывод о необходимости рассматривать ресоциализацию не как разовую подготовку к освобождению, а как непрерывный маршрут, включающий пенитенциарную и постпенитенциарную стадии.

Элементы доказательной криминологии использовались при обобщении зарубежных метааналитических исследований и руководств по предупреждению рецидивизма. Их применение позволило сопоставить теоретические положения российской науки с эмпирическими данными о программах, которые статистически снижают вероятность повторного преступного поведения: когнитивно-поведенческих интервенциях, профессиональном обучении, лечении зависимостей, поддержании семейных связей и сопровождении после освобождения.

Результаты и их обсуждение

Понятие «ресоциализация» формировалось на стыке социологии, психологии и уголовного права. В общесоциологическом смысле ресоциализация – это процесс вторичной, повторной социализации индивида, изменение его ценностно-нормативных установок и поведенческих стереотипов с целью включения в социально одобряемые формы жизни.

В применении к осужденным к лишению свободы ресоциализация традиционно понимается как управляемый и во многом принудительный процесс восстановления социально полезных связей, приобретения правовых и социальных компетенций, необходимых для законопослушного поведения после освобождения. Ю.В. Баранов, один из первых, кто последовательно разрабатывал данную категорию применительно к лицам, отбывающим наказание, подчеркивал недопустимость противопоставления ресоциализации исходным процессам социализации: ресоциализация, по его мнению, «есть «возобновление социализации» преступника, осуществляемое в условиях уголовно-исполнительного воздействия, но ориентированное на жизнь в свободном обществе» [2, с. 117].

М.С. Рыбак, анализируя ресоциализацию осужденных к лишению свободы, делает акцент на «восстановлении деформированной системы социальных ролей и статусов осужденного, подчеркивая, что результатом ресоциализации должно выступать не только формально правомерное, но и социально ответственное поведение»¹.

В российской уголовно-исполнительной доктрине важным этапом стало развитие идей о многоуровневом харак-

¹ Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. С. 53.

тере ресоциализации осужденных (социальный, психологический, правовой, трудовой, культурный уровни), предложенных В.Н. Савардуновой, которая показала, что «без комплексного изменения ценностно-мотивационной сферы личности и её реальных жизненных перспектив "исправление" остается декларацией» [3, с. 41].

В отечественной литературе осложняющим обстоятельством является нормативное закрепление в ст. 43 Уголовного кодекса РФ и ст. 1, 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ категории «исправление осужденного», в то время как термин «ресоциализация» прямо в законе не используется, выступая в основном как научно-доктринальное понятие. Это порождает дискуссию: следует ли рассматривать ресоциализацию как синоним или как более широкий по объему процесс по отношению к исправлению. Современные теоретико-правовые исследования дополнительно подтверждают, что ресоциализация не исчерпывается воспитательной работой и предполагает восстановление правовых, трудовых и социальных связей осужденного [4, с. 438].

Исторически российское уголовное право долгое время опиралось на классический карательный подход: лишение свободы рассматривалось прежде всего как «возмездие» и средство устрашения. Идея исправления присутствовала уже в дореволюционных проектах тюремной реформы, однако практическая реализация была крайне ограниченной¹.

В советский период в нормативных актах декларировались воспитательные цели лишения свободы, однако реально функционирующая система зачастую воспроизводила криминальную субкультуру и маргинальные практики, что фиксировала и криминологическая, и пенитенциарная наука [5, с. 25].

Поворот к ресоциализации как самостоятельной цели исполнения наказания в виде лишения свободы связан с развитием социологического направления в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной мысли. Важный вклад здесь внесла В.И. Зубкова, предложившая «рассматривать «цель исправления» через призму реального включения осужденного в социально одобряемые отношения, фактически сблизив её с ресоциализацией» [6, с. 9].

Резкий теоретический сдвиг и в российской, и в зарубежной литературе был обусловлен критикой концепции «nothing works», сформулированной в 1970-х г. на основе ранних метаанализов эффективности пенитенциарных программ. Последующие исследования, обобщенные в работах Д.А. Эндрюса и Дж. Бонты, показали, что «определенные типы интервенций (прежде всего когнитивно-поведенческие программы, ориентированные на криминальные потребности), способны статистически значимо снижать уровень рецидива»².

В российской литературе можно выделить два полярных подхода.

Первый – «минималистский»: ресоциализация фактически сводится к социальной адаптации освобожденных осужденных, т. е. к заключительному этапу процесса, который начинается уже после погашения или снятия судимости. Представители этой точки зрения, как отмечает В.Е. Южанин, резко отделяют ресоциализацию от работы, проводимой в местах лишения свободы, усматривая в ней «исключительно постпенитенциарный феномен» [7, с. 12].

Второй – «расширительный»: ресоциализацию понимают как сквозной процесс, охватывающий весь период – от поступления осужденного в учреждение до его устойчивого включения в законопослуш-

¹ Рыбак М.С. Указ. соч. С. 77.

² Andrews D.A., Bonta J. The psychology of criminal conduct. 5th ed. New Providence; New York: LexisNexis, 2010. P. 45.

ную жизнь на свободе. В таком подходе исправление (в смысле формирования уважительного отношения к закону, человеку, труду, к нормам общежития, о чем говорит ч. 1 ст. 9 УИК РФ) выступает стадией или компонентом более широкого процесса ресоциализации, включающего также профессиональную подготовку, восстановление социальных связей, решение жилищных и иных жизненно важных проблем [8, с. 119].

Поддерживая второй подход, представляется обоснованным рассматривать ресоциализацию осужденных к лишению свободы как длительный, многоуровневый, правовым образом регламентированный процесс управляемого возвращения личности к социально одобряемым формам жизни, начинающийся внутри исправительного учреждения и завершающийся устойчивой правопослушностью после освобождения.

В соответствии со ст. 43 УК РФ, наказание призвано обеспечить восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. При этом законодатель не использует термин «ресоциализация», ограничиваясь категорией «исправления».

Статья 1 УИК РФ закрепляет цели уголовно-исполнительного законодательства: обеспечение исполнения уголовных наказаний, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. В ч. 2 ст. 2 УИК РФ в качестве задач названо, в частности, оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

В.Е. Южанин справедливо обращает внимание на рассогласование целей и задач: ресоциализация как помощь в социальной адаптации (задача) выведена за пределы целей исполнения наказания, что превращает соответствующее направление деятельности в «фикцию», не обеспеченную системой правовых средств [7, с. 151].

Статья 9 УИК РФ перечисляет средства исправления осужденных к лишению свободы (режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение, общественное воздействие). Они традиционно трактуются как набор инструментов, через которые достигается цель исправления. Однако для того, чтобы эти средства начали работать на ресоциализацию, «необходимо нормативное закрепление целостной программы ресоциализации осужденного – от первых дней в учреждении до сопровождения после освобождения» [7, с. 40].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20¹ ранее закрепляло ряд подходов к индивидуализации уголовно-правового воздействия. В настоящее время соответствующие разъяснения сконцентрированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58² «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», ориентирующем суды на учет характера и степени общественной опасности преступления, данных о личности виновного, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи. Тем самым судебные разъяснения косвенно подчеркивают значимость ресоциализационного потенциала назначаемого наказания.

¹ О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 окт. 2009 г. № 20: [ред. от 23.12.2010] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93316/ (дата обращения: 16.12.2025).

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58: [ред. от 23.12.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 16.12.2025).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8¹ связывает возможность условно-досрочного освобождения с данными, характеризующими поведение осужденного, отношение к труду и учебе, участие в программах воспитательной работы, наличие взысканий и поощрений, а также оценку того, сможет ли он после освобождения вести законопослушный образ жизни. Фактически речь идет о судебной оценке перспектив ресоциализации, хотя сам термин в акте не используется.

Судебная практика по делам об условно-досрочном освобождении, отмене условного осуждения, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания показывает, что суды все чаще обращаются к материалам, характеризующим участие осужденных в программах психологической, социальной и трудовой реабилитации, что свидетельствует о постепенном внедрении ресоциализационного подхода в правоприменение [10, с. 160].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., а затем и актуализированные концептуальные положения развития УИС до 2030 г. прямо ориентируют ФСИН России на превращение исправительных учреждений в центры социальной реабилитации, усиление психологической и социальной работы с осужденными, расширение программ профессионального обучения и занятости.

В этих документах ресоциализация осужденных и обеспечение их реальной интеграции в гражданское общество обозначены как ключевые направления ре-

формирования. Однако констатируется и недостаточная разработанность механизмов межведомственного взаимодействия, отсутствие полной нормативной регламентации маршрута осужденного после освобождения. Эти выводы созвучны многочисленным научным работам, посвященным пробации и ресоциализации [8, с. 213].

Согласно данным ГИАЦ МВД РФ, доля лиц, ранее совершавших преступления, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, в последние годы колеблется в пределах 56–59%, из них ранее судимых – около 51–53%. Это означает, что более половины всей регистрируемой преступности фактически обусловлено повторным участием тех же лиц в криминальной деятельности, что подтверждается и региональными исследованиями².

По данным краткой характеристики состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г., подготовленной МВД РФ, всего зарегистрировано 1 947,2 тыс. преступлений, или на 1,0% меньше, чем в 2022 г. В 2019–2023 гг. в целом наблюдается снижение как общего количества преступлений, так и уровня преступности в расчете на 100 тыс. населения³.

При этом, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в январе – ноябре 2024 г. было расследовано 475,2 тыс. преступлений, совершенных лицами с судимостью, что на 13,3% меньше, чем за аналогичный период 2023 г. (более

¹ О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апр. 2009 г. № 8: [ред. 25.06.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 16.12.2025).

² МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // МВД МЕДИА: [сайт]. 20.01.2025. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 10.12.2025).

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2024. 64 с.

547 тыс. преступлений) и существенно ниже уровня 2022 г. (около 572 тыс.). Следовательно, в последние годы фиксируется определенное снижение масштабов рецидивной преступности, но её удельный вес по-прежнему остается критически высоким¹.

Отдельные показатели судебной статистики дополняют картину: по данным Судебного департамента (на примере одного из регионов), в 2024 г. ранее судимые лица составили 41,8% от общего числа осужденных; число лиц, осужденных за преступления при рецидиве, сократилось на 22,5%, однако доля особо опасного рецидива демонстрирует тенденцию к росту².

Схожий вывод о структурной устойчивости рецидивной преступности в российской криминологической картине был ранее сформулирован в комплексном аналитическом обзоре ВНИИ МВД России, где рецидив рассматривался как один из устойчивых факторов воспроизводства преступности и объект долгосрочного криминологического прогнозирования [11].

Международные обзоры эмпирических исследований, подготовленные по заказу правительства Великобритании и властей Шотландии, показывают, что интенсивные, структурированные программы работы с осужденными, основанные на когнитивно-поведенческом подходе, обучении профессиональным навыкам и сопровождении после освобождения, в среднем позволяют снизить уровень ре-

цидива на 8–15 процентных пунктов по сравнению с контрольными группами³.

UNODC в «Руководстве по предупреждению рецидивизма и социальной реинтеграции правонарушителей» подчеркивает, что снижение повторной преступности возможно лишь при сочетании трех компонентов:

- эффективные программы в местах лишения свободы,
- системная подготовка к освобождению,
- устойчивое межведомственное сопровождение в сообществе.

Российские исследования, обобщенные М.С. Рыбаком, Л.А. Латышевой, Т.В. Клёновой и др., свидетельствуют, что участие осужденных в комплексных программах ресоциализации (образование, труд, психологическая и социальная работа, поддержание семейных связей) статистически связано с более низкими показателями рецидива и меньшей криминальной активностью после освобождения [8, с. 213]. Многие авторы имеют аналогичное мнение [12, с. 195].

В российской литературе сложилось несколько теоретических моделей ресоциализации.

Ю.В. Баранов предложил концепцию стадий ресоциализации осужденных к лишению свободы, рассматривая этот процесс как «последовательность взаимосвязанных этапов: адаптация к условиям лишения свободы, активная ресоциализация в стенах учреждения, подготовка к освобождению и постпенитенциарная ресоциализация» [2, с. 120]. По его мнению, ошибка традиционного подхода состоит в том, что он отождествляет ресоциализацию с воспитательной работой внутри учреждения, игнорируя «внешнюю» фазу – жизнь на свободе.

¹ Генпрокуратура сообщила о сокращении рецидивной преступности в РФ // ТАСС: [сайт]. 2025. 4 янв. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22821309> (дата обращения: 10.12.2025).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.12.2025).

³ What works to reduce reoffending: a summary of the evidence / M. Sapouna, C. Bisset, A.-M. Conlong, B. Matthews. Edinburgh: Scottish Government Social Research, 2015. 139 p.

М.С. Рыбак, напротив, стремится «сшить» пенитенциарную и постпенитенциарную фазы в единый процесс, подчеркивая, что «все средства исправления, перечисленные в ст. 9 УИК РФ, должны быть подчинены задаче подготовки осужденного к реальной жизни на свободе»¹.

Л.А. Латышева выделяет в структуре ресоциализационного воздействия на осужденных к лишению свободы уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический уровни, показывая, что «без должной координации этих уровней эффект программ существенно снижается» [5, с. 38].

Т.В. Клёнова и её коллеги вводят в научный оборот категорию «реального включения осужденных в гражданское общество», акцентируя внимание на необходимости выстраивания устойчивых горизонтальных связей осужденного с институтами образования, труда, социальной защиты, местным сообществом [8, с. 16].

Важный вклад в теорию ресоциализирующего воздействия внёс Р.А. Волховский, показавший, как деятельность уголовно-исполнительных инспекций по ресоциализации осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, «требует четкого нормативного закрепления целей, критериев нуждаемости в ресоциализации и межведомственного взаимодействия» [1, с. 142]. Предложенная им концепция пробации, в сущности, может быть адаптирована и к лицам, отбывающим реальные сроки лишения свободы, если понимать пробацию как непрерывный ресоциализационный процесс, начинающийся в учреждении и продолжающийся в сообществе.

Работы Д.А. Эндрюса и Дж. Бонты, сформировавшие так называемую модель риска-потребностей-ответственности (Risk-Need-Responsivity, RNR)², оказали

принципиальное влияние на современную пенитенциарную политику многих стран. Данная модель основывается на трех постулатах:

1) принцип риска – интенсивность вмешательства должна соответствовать уровню риска рецидива;

2) принцип потребностей – программы должны быть направлены на изменяемые криминогенные факторы (злоупотребление психоактивными веществами, дефицит навыков самоконтроля, преступное окружение и др.);

3) принцип ответственности – методы воздействия должны быть адаптированы к индивидуальным особенностям осужденного (когнитивным, мотивационным, культурным).

Применительно к российским исправительным учреждениям реализация RNR-подхода означала бы отказ от формального «охвата» осужденных воспитательными мероприятиями и переход к индивидуализированным программам ресоциализации, выстраиваемым на основе системной диагностики риска и потребностей.

В качестве альтернативы или, точнее, дополнения к RNR-модели Т. Уорд и М. Браун разработали «модель достойной жизни» (Good Lives Model, GLM), исходящую из того, что эффективная ресоциализация невозможна без положительного проекта жизни, который сам осужденный признает ценным [13, с. 245]. Если RNR-модель отвечает на вопрос «что нужно уменьшить?» (риск, потребности), то GLM – на вопрос «что нужно дать?» (ресурсы, компетенции, социальные роли), чтобы правопослушное поведение стало для бывшего осужденного реальной и привлекательной альтернативой преступному образу жизни.

Сочетание RNR и GLM позволяет, с одной стороны, ориентироваться на доказательные методы снижения рецидива, а с другой – не сводить ресоциализацию к «минимизации рисков», наполняя её со-

¹ Рыбак М.С. Указ. соч. С. 119.

² Andrews D.A., Bonta J. Op. cit.

держанием, связанным с качеством жизни, личностным ростом и позитивной идентичностью осужденного.

UNODC в «Руководстве по предупреждению рецидивизма и социальной реинтеграции правонарушителей» подчеркивает, что программы ресоциализации должны опираться на международные стандарты обращения с заключенными (Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными, «Правила Нельсона Манделы»), учитывать права человека, гендерные и возрастные особенности осужденных.

Отдельные главы руководства посвящены образованию и профессиональному обучению в местах лишения свободы, программам лечения от зависимостей, восстановительным практикам и взаимодействию с семьей осужденного – именно тем направлениям, которые и российские авторы рассматривают как ключевые элементы ресоциализации [10, с. 160].

Как справедливо отмечает В.Е. Южанин, одна из ключевых проблем состоит в том, что «цели уголовно-исполнительного законодательства (исправление осужденных и предупреждение новых преступлений) не полностью согласованы с задачей оказания помощи в социальной адаптации: последняя выходит за пределы срока отбывания наказания и формально не обеспечена отраслевыми нормами» [7, с. 150].

Статья 183 УИК РФ, предусматривающая контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания, носит бланкетный характер и отсылает к другим нормативным актам, фактически не формируя полноценного механизма постпенитенциарного сопровождения. В результате ресоциализация «обрывается» на пороге учреждения: осужденный формально считается исправленным, но объективно оказывается в социальном вакууме – без жилья, работы, достаточного медицинского и психологического сопровождения.

Современные исследования оценки эффективности программ ресоциализации показывают, что отсутствие закреплённой на уровне закона категории «ресоциализация» как цели наказания и исполнения наказания затрудняет построение системы показателей эффективности деятельности учреждений и оценку качества работы с осужденными [9, с. 40].

Практикоориентированные исследования указывают на «ряд устойчивых факторов, препятствующих ресоциализации осужденных, отбывающих реальные сроки лишения свободы:

- переполненность учреждений и дефицит персонала;

- недостаточное финансирование программ образования, профессионального обучения и психологической работы;

- доминирование пенитенциарной субкультуры, в которой правопослушное поведение нередко воспринимается как девиация;

- неразвитость механизмов взаимодействия ФСИН России с органами занятости, социальной защиты, здравоохранения и муниципальными службами» [8, с. 347].

Российские психологи и социологи подчеркивают, что криминальная субкультура, поддерживаемая как частью осужденных, так и отдельными представителями персонала, выступает самостоятельным криминогенным фактором, усиливающим риск рецидива; социально-психологическая коррекция данного фактора является необходимым элементом реальной ресоциализации [14, с. 40].

Несмотря на провозглашенный в законе принцип индивидуализации исполнения наказания, на практике нередко используется «усредненный» набор мероприятий, не учитывающий реальный уровень риска и потребности конкретного осужденного.

Отсутствуют (или находятся в зачаточном состоянии) «стандартизированные инструменты оценки криминогенных

потребностей и динамики изменений личности осужденного, сопоставимые с зарубежными шкалами, создававшимися в логике RNR-модели»¹.

Лишь отдельные пилотные проекты в российских колониях опираются на принцип «case management» – ведения индивидуального плана ресоциализации осужденного, включающего цели, средства и критерии достижения. Об этом убедительно свидетельствуют материалы исследований, посвященных социально-психологическим основам ресоциализации и организационному обеспечению УИИ и исправительных учреждений [1, с. 141].

Скептики исходят из нескольких тезисов. Во-первых, лишение свободы по своей природе является средой повышенной криминогенности: концентрация лиц с устойчивой девиантной ориентацией, действие тюремной субкультуры, объективные ограничения свободы выбора, дефицит позитивных социальных ролей делают пенитенциарную среду малоприспособленной для подлинной ресоциализации.

Во-вторых, они указывают, что ресоциализация предполагает формирование у человека навыков жизни в условиях свободы, а значит, подлинная ресоциализация возможна только вне стен учреждения – в реальном социуме.

В-третьих, аргумент «экономического реализма»: ресурсы государства ограничены, а потому задача пенитенциарной системы должна сводиться к минимизации угрозы, исходящей от осужденного во время отбывания наказания, а не к формированию у него новых жизненных проектов.

Наконец, приводятся статистические данные, согласно которым значительная часть осужденных, прошедших через пе-

нитенциарные учреждения, вновь совершает преступления, что трактуется как доказательство низкой эффективности ресоциализирующих мероприятий.

Представляется, однако, что указанные аргументы либо опираются на устаревшие представления о «ничего не работает», либо игнорируют современные данные доказательной криминологии.

Во-первых, как показывают метааналитические исследования, обобщенные в работах Эндрюса, Бонты и их последователей, именно в местах лишения свободы «возможно сконцентрировать ресурсы для реализации интенсивных программ изменения криминогенных установок и поведения, при условии правильного отбора участников и методики»².

Во-вторых, международные обзоры доказательств по снижению рецидива показывают, что сочетание программ в учреждении и сопровождения после освобождения (continuous care) дает наилучший результат, тогда «как изолированные меры (только наблюдение или только краткосрочная терапия) оказываются существенно менее эффективными»³.

В-третьих, российские исследования подтверждают, что «даже в условиях неидеальной пенитенциарной среды участие осужденных в образовании, профессиональном обучении, социально полезном труде и психологических программах позитивно коррелирует с более низкими показателями рецидива и более благоприятной социальной траекторией после освобождения»⁴.

И наконец, данные Генеральной прокуратуры и МВД России о снижении числа преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, на фоне реализации комплексных программ развития УИС и расширения альтернатив лишению сво-

¹ Introductory Handbook on the prevention of recidivism and the social reintegration of offenders / United Nations. New York, 2012. P. 37.

² Andrews D.A., Bonta J. Op. cit. P. 43.

³ What works to reduce reoffending: a summary of the evidence. P. 43.

⁴ Рыбак М.С. Указ. соч. С. 312.

боды (принудительные работы, probation) позволяют предположить, что постепенный переход к ресоциализационной парадигме уже дает первые плоды.

Представляется, что вопрос о возможности ресоциализации в условиях лишения свободы не может решаться в логике «да/нет». Не ресоциализирует «сама по себе» изоляция, но ресоциализировать может грамотно организованный процесс исполнения наказания, в центре которого – личность осужденного, его реальные ресурсы и потребности, а также выстроенный маршрут жизни после освобождения.

Именно поэтому целесообразно:

1) нормативно закрепить ресоциализацию осужденных к лишению свободы в качестве цели исполнения наказания (наряду с исправлением и предупреждением преступлений), что позволит придать этому направлению деятельности правовой статус и связать с ним систему показателей эффективности;

2) выстроить систему индивидуальных программ ресоциализации осужденных, основанных на оценке риска и потребностей;

3) обеспечить преемственность пенитенциарной и постпенитенциарной стадий, фактически реализуя российский вариант probationной модели, о необходимости которой неоднократно писали отечественные авторы [6, с. 142].

Можно выделить следующие направления совершенствования ресоциализации осужденных к лишению свободы в целях снижения рецидива:

1. Нормативное закрепление ресоциализации как цели исполнения наказания

Логичным шагом представляется внесение изменений в ст. 1 УИК РФ, предусматривающих, что целью уголовно-исполнительного законодательства является не только исправление осужденных, но и их ресоциализация, понима-

емая как восстановление способности к законопослушной жизни в обществе.

В ст. 9 УИК РФ целесообразно дополнительно закрепить «социальную и психологическую работу, ориентированную на ресоциализацию осужденных» в качестве самостоятельного средства исправления, как это предлагалось в Концепции развития УИС.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ о назначении наказания и об условно-досрочном освобождении возможно включить разъяснения о необходимости учитывать участие осужденного в программах ресоциализации, результаты индивидуальной оценки риска и потребностей, наличие конкретного плана социальной адаптации (жилье, трудоустройство, сопровождение).

2. Индивидуальные программы ресоциализации осужденных

С учетом зарубежного опыта и рекомендаций UNODC представляется необходимым законодательное закрепление института индивидуальной программы ресоциализации осужденного к лишению свободы, включающей:

– исходную оценку криминогенных потребностей и ресурсов личности;

– перечень мероприятий (образовательных, трудовых, психологических, социально-правовых), направленных на удовлетворение этих потребностей легитимным способом;

– план подготовки к освобождению (восстановление семейных связей, формирование трудового маршрута, взаимодействие с органами социальной защиты, здравоохранения, занятости);

– постпенитенциарный компонент, реализуемый совместно с органами probation (уголовно-исполнительными инспекциями), службами занятости, НКО и местными сообществами¹.

Разработки Р.А. Волховского по критериям нуждаемости в ресоциализа-

¹ Introductory Handbook on the prevention of recidivism and the social reintegration of Offenders. P. 54.

ции и организации межведомственного взаимодействия применительно к осужденным к наказаниям без изоляции от общества могут быть творчески использованы при формировании аналогичных критериев и механизмов для лиц, отбывающих лишение свободы [1, с. 142].

3. Изменение показателей эффективности деятельности учреждений УИС

Вместо доминирования количественных показателей (число проведенных мероприятий, доля занятых трудом и т. п.) в оценке деятельности исправительных учреждений следует перейти к показателям результативности:

- доля осужденных, завершивших программу образования или профессионального обучения;
- доля осужденных, реализующих индивидуальный план ресоциализации;
- доля освобожденных, имеющих устойчивое трудоустройство и жилье в течение определенного периода;
- показатели рецидивной преступности среди выпускников программ [8, с. 298].

Такой подход созвучен и зарубежной практике «evidence-based corrections», где «уровень рецидива в сочетании с социальными индикаторами (занятость, жилье, участие в жизни сообщества) рассматривается как ключевой индикатор эффективности ресоциализационных программ»¹.

4. Усиление межведомственного взаимодействия и развитие пробации

Опыт реализации элементов пробации в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, показывает, что «без устойчивой координации между уголовно-исполнительными инспекциями, органами социальной защиты, занятости, здравоохранения, муниципальными службами и НКО ресоциализация неизбежно фрагментируется и теряет эффективность» [15, с. 166].

Представляется целесообразным:

- создать на региональном уровне координирующие структуры (советы, центры ресоциализации), обеспечивающие совместное планирование работы с осужденными, подлежащими освобождению;
- нормативно закрепить обязанность органов исполнительной власти и местного самоуправления участвовать в реализации индивидуальных программ ресоциализации;
- развивать договорные формы взаимодействия исправительных учреждений с работодателями, образовательными организациями, НКО, религиозными и этнокультурными объединениями, готовыми участвовать в программах социального сопровождения освобождаемых;
- использовать потенциал восстановительных практик (медиация, программы примирения с потерпевшим) как элемента ресоциализации, формирующего у осужденного ответственность за причиненный вред².

5. Научно-методическое обеспечение и подготовка кадров

Реализация ресоциализационной модели исполнения наказания требует серьезной перестройки системы подготовки кадров УИС и разработки единых научно обоснованных методик работы с различными категориями осужденных (молодежь, осужденные с зависимостями, осужденные за насильственные преступления и т. д.).

Теоретико-правовые разработки, накопленные в трудах М.С. Рыбака, Ю.В. Баранова, Л.А. Латышевой, Т.В. Клёновой и других авторов, образуют достаточный фундамент для формирования национальной модели ресоциализации осужденных к лишению свободы, интегрирующей лучшие мировые практики и учитывающей российскую специфику [2, с. 119]. Аналогичного мнения придерживается в своих работах Р.А. Волховский [1, с. 140].

¹ What works to reduce reoffending: a summary of the evidence. P. 55.

² Ibid. P. 73.

Современный взгляд на ресоциализацию осужденных в российской научной литературе также подтверждает необходимость перехода от фрагментарных мер социальной адаптации к целостной модели сопровождения осужденного, ориентированной на устойчивое правопослушное поведение после освобождения [16, с. 135].

Выводы

Поставленный в начале статьи вопрос «что такое ресоциализация осужденного к лишению свободы и может ли она служить реальным способом снижения рецидивной преступности?» позволяет сформулировать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, ресоциализация осужденных к лишению свободы – это не синоним формального «исправления» и не простая социальная адаптация после освобождения. В современных условиях её следует понимать как непрерывный, управляемый и правовым образом регламентированный процесс возвращения личности к социально одобряемым формам жизни, начинающийся внутри исправительного учреждения, продолжающийся в период подготовки к освобождению и завершающийся устойчивой правопослушностью в условиях свободы.

Во-вторых, анализ российской и зарубежной литературы, а также международных руководств показывает, что грамотно организованные программы ресоциализации, основанные на принципах RNR-модели и «модели достойной жизни», способны статистически значимо снижать уровень рецидива, особенно при условии преемственности пенитенциарной и постпенитенциарной стадий.

В-третьих, российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство пока лишь частично отражает ресоциализационный подход: цели наказания и исполнения наказания формулируются через категорию «исправления», а помощь в социальной адаптации обозначена как задача, не обеспеченная собственным набором правовых механизмов.

Сложившийся дисбаланс между декларируемыми целями и реальными средствами исполнения наказания ведет к тому, что значительная часть осужденных освобождается без сформированного жизненного проекта, без устойчивых социальных связей и достаточных ресурсов для законопослушного поведения.

В-четвертых, статистические данные о динамике рецидивной преступности свидетельствуют о некотором снижении её масштабов в последние годы, однако удельный вес ранее судимых лиц среди преступников и осужденных остается высоким. Это означает, что именно ресоциализация осужденных к лишению свободы (при условии ее нормативного, организационного и ресурсного обеспечения) способна стать ключевым инструментом продолжения положительного тренда и предотвращения «возврата» к росту рецидива.

В-пятых, разработанные в отечественной науке концептуальные подходы к ресоциализации осужденных, сопоставленные с международными моделями (RNR, GLM, рекомендации UNODC), позволяют говорить о реальной возможности формирования в России целостной ресоциализационной модели исполнения наказания в виде лишения свободы.

В свете изложенного представляется необходимым дальнейшее развитие российской уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики в направлении:

- нормативного закрепления ресоциализации как одной из ключевых целей наказания и исполнения наказания;
- создания системы индивидуальных программ ресоциализации осужденных к лишению свободы;
- развития probation и межведомственного взаимодействия в постпенитенциарный период;
- переориентации показателей эффективности деятельности учреждений УИС с количественных на результативные, связанные с уровнем рецидива и качеством жизни бывших осужденных.

Ресоциализация осужденных к лишению свободы, будучи сложным и ре-

сурсозатратным процессом, тем не менее представляет собой единственную долгосрочно устойчивую стратегию снижения рецидивной преступности в условиях правового и социального государства.

Именно поэтому дальнейшая научная разработка данной проблематики и её внедрение в практику уголовной юстиции должны стать одним из приоритетов российской уголовно-правовой политики.

Список литературы

1. Волховский Р.А. Теоретико-правовое содержание деятельности уголовно-исполнительных инспекций по ресоциализации осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Закон и право. 2022. № 2. С. 140–142.
2. Баранов Ю.В. Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 116–122.
3. Савардунова В.Н. Теоретические, социальные и психолого-педагогические механизмы ресоциализации осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 40–48.
4. Скиба А.П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 4. С. 434–445.
5. Латышева Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. 118 с.
6. Зубкова В.И. Цель исправления как путь ресоциализации осужденного // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Киров: Киров. Ин-т повышения квалификации работников ФСИН. 2014. С. 7–13.
7. Южанин В.Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации уголовного наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 32. С. 9–15.
8. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / О.А. Адоевская, А.Г. Безверхов, О.Н. Ведерникова [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2019. 431 с.
9. Грязнов С.А. Оценка эффективности программ ресоциализации осужденных // Modern Science. 2020. № 6–4. С. 39–41.
10. Адоевская О.А. Подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания как механизм ресоциализации и реального включения их в гражданское общество // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 2. С. 156–164.
11. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
12. Попов В.И. Проблемы борьбы с рецидивом преступлений // Право и образование. 2004. № 2. С. 192–198.
13. Ward T., Brown M. The good lives model and conceptual issues in offender rehabilitation // Psychology, Crime and Law. 2004. Vol. 10, № 3. P. 243–257.
14. Сухов А.Н. Социально-психологические основы ресоциализации осужденных // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1. С. 39–42.
15. Борсученко С.А. Деятельность службы пробации как путь к снижению уровня рецидивной преступности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 164–168.
16. Стрилец О.В. Ресоциализация осужденных в России: современный взгляд // Евразийская адвокатура. 2024. № 6(71). С. 134–137.

Reference

1. Volkhovsky R.A. The theoretical and legal content of the activities of penal inspection services for the resocialization of convicts to non-custodial sentences. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2022;(2):140-142. (In Russ.)
2. Baranov Yu.V. The Essence of resocialization of convicts to imprisonment and persons released from places of imprisonment. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2006;(4):116-122. (In Russ.)
3. Savardunova V.N. Theoretical, social and psychological and pedagogical mechanisms of resocialization of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal Executive System: Law, Economics, Management*. 2007;(5):40-48. (In Russ.)
4. Skiba A.P. Resocialization of convicts: some theoretical and legal aspects. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal Executive Law*. 2023;18(4):434-445.
5. Latysheva L.A. Problems of resocialization of convicts to imprisonment: criminal-executive and criminological aspects. Vologda: VIPE FSIN Rossii; 2017. 118 p. (In Russ.)
6. Zubkova V.I. The Purpose of correction as a way of resocialization of a convict. In: *Resotsializatsiya osuzhdennykh v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Resocialization of convicts in the conditions of civil society development: collection of materials of the international scientific and practical conference*. Kirov: Kirov. in-t povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN; 2014. P. 7-13. (In Russ.)
7. Yuzhanin V.E. On the resocialization of convicts as a goal of the process of ensuring the implementation of criminal punishment in the form of imprisonment. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2015;(32):9-15. (In Russ.)
8. Adoevskaya O.A., Bezverkhov A.G., Vedernikova O.N., et al. Resocialization and real inclusion of convicts in civil society. Moscow: Yurлитinform; 2019. 431 p. (In Russ.)
9. Gryaznov S.A. Evaluation of the effectiveness of resocialization programs for convicts. *Modern Science*. 2020;(6-4):39-41. (In Russ.)
10. Adoevskaya O.A. Preparing convicts for release from sentence as a mechanism for resocialization and real inclusion in civil society. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal Executive Law*. 2019;14(2):156-164. (In Russ.)
11. Antonyan Yu.M., Brazhnikov D.A., Goncharova M.V., et al. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and its calculated development options: analytical review. Moscow: VNII MVD Rossii; 2018. 86 p. (In Russ.)
12. Popov V.I. Problems of combating recidivism of crimes. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*. 2004;(2):192-198. (In Russ.)
13. Ward T., Brown M. The good lives model and conceptual issues in offender rehabilitation. *Psychology, Crime & Law*. 2004;10(3):243-257.
14. Sukhov A.N. Socio-psychological foundations of the resocialization of convicts. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and pedagogy of official activities*. 2024;(1):39-42. (In Russ.)
15. Borsuchenko S.A. The activities of the probation service as a way to reduce recidivism. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2019;(4):164-168. (In Russ.)
16. Strelets O.V. Resocialization of convicts in Russia: a modern view. *Evraziyskaya advokatura = Eurasian Bar Association*. 2024;(6):134-137. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Баумштейн Антон Борисович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: 5068896@list.ru,
ORCID: 0000-0003-1479-7850

Anton B. Baumshtein, Doctor
of Sciences (Juridical), Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
e-mail: 5068896@list.ru,
ORCID: 0000-0003-1479-7850